Приветственное слово от журнала «*Современная легенда*»

Иэн Броуди [1]

✉ ian_brodie@cbu.ca

[1] Университет Кейп-Бретона, Канада, Сидней

Для цитирования статьи:
Броуди , Я. (2018). Приветственное слово от журнала «Современная легенда». *Фольклор и антропология города*, *I*(1), 11–13.

Welcome note from Contemporary Legend

Ian Brodie[1]

✉ ian_brodie@cbu.ca

[1] Cape Breton University, Canada, Sydney

To cite this article:
Brodie, I. (2018). Welcome note from "Contemporary Legend". *Urban Folklore & Anthropology*, *I*(1), 11–13. (In Russian).

Для меня было большой честью написать, по просьбе моих коллег Александры Архиповой и Дарьи Радченко, это краткое сообщение по случаю появления нового журнала и открывающего его специального номера. Любой новый форум для распространения критических и передовых исследований фольклора полезен, но видеть журнал, посвященный новой фольклорной практике, особенно приятно.

Обычное дело — говорить о современной легенде как о «недостаточно изученной» или «во многом игнорируемой» области фольклорного знания, однако, как показывает этот номер, такое мнение явно неверно. Международное общество по изучению современной легенды существует уже более 35 лет, и, в дополнение к его собственному журналу «Contemporary Legend» (редакторами которого являемся я и доктор Андреа Китта из Университета Восточной Каролины), на основе плодов его деятельности регулярно публикуются статьи в английском журнале «Folklore», канадском «Ethnologies» и американском «Journal of American Folklore» — ведущих журналах этих стран по фольклористике. Вместе с тем, за рамками академического общества современная легенда — часто ее называют «городской легендой» или «городским мифом» — считается аналогичной бытовому понятию фольклора, несмотря на то что журналисты и вернакулярная интеллигенция[1] редко ищут к ней комментариев фольклориста.

[1] Вероятно, имеются в виду люди, не получившие специального (исторического или филологического) образования. — *Прим. ред.*

Это в меньшей степени проблема неразличения понятий, нежели невидимости дисциплины, и мы уже видим, как ситуация начинает меняться. То, что А. Архипова и Д. Радченко выбрали современную легенду в качестве темы для первого номера журнала «Фольклор и антропология города» — существенный вклад в преодоление этой невидимости путем стимулирования международного обмена данными, идеями и теоретическими изысканиями.

Коннотации имеют значение, а расхожие коннотации, связанные со словом «фольклор» в англоязычном мире, всегда ведут к двум многозначным понятиям: фольклор по определению «о прошлом» и по определению «на периферии». Обоим этим понятиям нет нужды быть реально операционализированными: обоснование необходимости сохранения фольклора, доставшегося нам от прошлого, во многом базируется именно на том, что, по мере своего ускользания от нас, он задним числом описывается как основа того, кто мы есть. Это «мы», безусловно, существует в настоящем, в современном мире. Афоризм, приписываемый английскому писателю Г. К. Честертону, гласит, что «причуды молодости в ретроспективе выглядят восхитительно по сравнению с причудами старости»[2], и может послужить предостережением тому, как широкая публика воспринимает фольклор. Смотря на прошлое через розовые очки[3], мы, по контрасту с современными практиками, пересобираем его как эквивалент детской невинности — в том числе и вполне буквально, если отдельно взятый фольклорист рассматривает собственную биографию, а затем экстраполирует ее на историю в целом. Видный канадский фольклорист Паулина Гринхилл так рассказывает о реакции на сообщение о своем интересе к изучению современной практики шаривари в юго-восточной части Онтарио:

> Студенты были особенно удивлены тем, что фольклорист может интересоваться явлением, которое, как сказал один из них, «вообще не фольклор, просто деревенщина так с ума сходит». Другой коллега, которому я рассказала о своей работе, согласился, заключив: «Это не фольклор, это просто люди отвратительно себя ведут» [Greenhill 2010: 15].

И наоборот, как отмечает она, «стало практически аксиомой, что то, что обычно понимается как фольклор, находится в стадии умирания» [Greenhill 2010: 29]. В отсутствие взгляда задним числом, ностальгии и предчувствия неминуемого исчезновения те практики локальных и вернакулярных культур, в которых участвуем мы сами, поспешно сбрасываются со счета как *просто* вещи, которые мы делаем.

В рамках репертуара «вещей, которые мы делаем», современная легенда вносит свою лепту в эту амбивалентность: одной из ее функций является консервативная реакция на неопределенность нынешнего дня. Легенда появляется тогда, когда официальных объяснений либо ждать не приходится, либо они неудовлетворительны, а искомые ответы выступают ответами на изменения в социальной ткани — иллюстрируемые конкретными

[2] Судя по всему, это свободный пересказ эссе Честертона «В защиту детопоклонства» (1901), где содержатся такие высказывания, как «Мы относимся к нашим сверстникам с подобострастной важностью, в которой так много равнодушия. На детей же мы смотрим сверху вниз, прощаем им все и глубоко их почитаем» [Chesterton 1901: 114] и «Во взрослых мы ценим достоинства или знания, а это нетрудно. Но в детях нас восхищают даже ошибки и глупости» [Chesterton 1901: 114–115] [цитаты приведены в переводе Н. Трауберг — *прим. пер.*]. Формулировка «причуды молодости» происходит из «Школьных лет Томпкинсона», первой серии сериала Майкла Пейлина и Терри Джонса «Отличные истории», откуда попала в повседневный узус. Эти паремиологические размышления могут быть подхвачены где-нибудь в другом месте более профессиональным человеком, но, возможно, эта публикация послужит толчком к этим исследованиям.

[3] Не те, о которых пишут в этом номере Александра Архипова и Анна Кирзюк!

нарративами — где имевшиеся категории, судя по всему, уже не работают. Они как минимум подвергаются проверке: действия в рамках нарратива бросают вызов тому, что мы «знаем» об этничности, технологии, гендере и сексуальности, политике и о целом ряде других рабочих понятий, которые определяют наше мировоззрение. Легенда всегда диалогична: она пересказывается не в одностороннем порядке с кафедры или из кресла сказочника, но между близкими, которые совместно трудятся над устранением расхождения между устоявшимся мировоззрением и тем, как развивается нарратив. Я утверждаю, что современная легенда — консервативный фольклорный жанр, поскольку она представляет собой реакцию на изменения, укрепляющие эти системы ценностей в том числе и потому, что они воспринимаются как находящиеся под угрозой.

Современные легенды не просто современны нам: они существовали всегда, и исследователи, использующие этот термин, имеют в виду не только конец XX — начало XXI века, но и любое время активной циркуляции таких легенд, будь то античность, средневековье, межвоенный период или, если уж на то пошло, 2018 год. По мере того, как кризис начинающихся перемен отступает, нарративные свойства легенд могут измениться — от срочной коммуникации, необходимой для преодоления разрыва, к «хорошим историям», и легенды входят в локальный нарративный репертуар не столько благодаря содержащемуся в них сообщению, сколько благодаря своим эстетическим свойствам. Это не значит, что они умирают, но, вероятно, пик их жизнеспособности уже пройден.

Как я уже упоминал выше, исследования современной легенды не обойдены вниманием, однако понадобилось какое-то время на их развитие — именно потому, что они противоречат массовому пониманию «фольклора», особенно если некто стремится достичь консенсуса посредством общего участия в романтическом националистическом нарративе. Но уделять внимание таким явлениям по мере их возникновения, как бы некрасивы или неприятны они ни были, и анализировать их с применением критической теории — значит шагнуть от простого собирания материала к более глубокому пониманию культуры, в которой этот материал живет. Журнал «Фольклор и антропология города», миссией которого является заполнить лакуну российских академических журналов в этой области, продвигает фольклористику вперед.

Литература/References

Chesterton, G. K. (1901). A Defence of Baby-Worship. In G. K. Chesterton. *The Defendant*, 112–117. London: R. Brimley Johnson.

Greenhill, P. (2010). *Make the Night Hideous: Four English-Canadian Charivaris, 1881–1940*. Toronto: University of Toronto Press.